

Марченя П. П. «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре / П. П. Марченя // Научный диалог. – 2013. – № 1(13) : История. Социология. Экономика. – С. 21–34.

УДК 94(47).084.1/.2

«Февраль» и «Октябрь» в российском календаре

П. П. Марченя

В статье поднимается проблема адекватности ведущих политических партий России 1917 года массовому сознанию революционной эпохи. Февраль и Октябрь 1917 года интерпретируются как полюса общественно-политической жизни России, задающие смысловые координаты, в рамках которых строится современное проективное россиеведение.

Ключевые слова: Февраль 1917 г.; Октябрь 1917 г.; смута; революция; россиеведение.

Уже менее чем через пять лет Россия готовится отметить столетие революционных вех Февраля и Октября 1917-го, изменивших ход отечественной и мировой истории. Однако не сегодня подмечено: мы живем в удивительной стране, где за несколько лет может измениться все, а за сто – ничего. Многие вызовы, стоящие перед современной отечественной государственностью, настолько напоминают ситуацию столетней давности, что не выйдут преувеличением парадоксальный вывод, к которому приходят многие исследователи: фактически Россия сегодня вернулась к решению вопросов, которые она (причем крайне высокой ценой) вынуждена была решать еще в начале прошлого века. И вот уже, по крайней мере, более четверти века российское общество переживает очередной затяжной «переходный» период, значимые исторические параметры которого, вли-

яющие на взаимодействие политических сил и масс – и тем самым на действительный исторический выбор России в современных условиях – сходны с аналогичными параметрами, определившими развитие событий в период от Февраля к Октябрю 1917 года.

Последний был временем жестокого конкурентного отбора единственной из нескольких партийно-политических альтернатив, исход которого зависел прежде всего от масс, в итоге и предрешивших печальную судьбу и тогдашней многопартийности, так и не сумевшей стать конструктивным фактором развития общества, и вообще всей дотоле невиданной ими «демократии». В тех конкретно-исторических условиях (когда общесистемный кризис на фоне распада империи сопровождался нестабильностью политической системы, а острая идеологическая конфронтация внутри причудливой отечественной многопартийности – при отсутствии позитивной консолидирующей идеи – сочеталась с низким уровнем политико-правовой культуры масс) политические партии России, считавшиеся «демократическими», не смогли обеспечить себе реальной поддержки в массовом сознании «демоса».

Множество перекликающихся с современностью поучительных параллелей в ходе и итогах диалога власти и общества России в 1917 году и в настоящее время способствуют высокой востребованности осмысления Февраля–Октября не только в теоретико-познавательном, но и в практически-прикладном аспекте. Более того, эта проблема является одной из системообразующих в нынешнем проективном россиеведении, от решения которой зависит ответ на его центральный вопрос: «*Что такое Россия?*». Неслучайно уже самый первый выпуск «Трудов по россиеведению» образованного в 2008 году Центра россиеведения Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (который, таким образом, можно считать задающим общую генерализующую направленность всему современному отечественному академиче-

скому «россиеведению» как неожиданно «новой» для российского научного сообщества социогуманитарной дисциплины) целиком и полностью посвящен одной единственной теме – проблеме русской революции, рассматриваемой как ключ к «понимающему познанию» России... (см.: [Труды..., 2009]).

Поставленная проблема отнюдь не ограничивается историософическими исканиями и историографическими оценками в узком кругу профессионального научно-экспертного сообщества. В контексте затянувшегося исторического выбора современной России между различными конкретными стратегиями своей «новой» цивилизационной и формационной идентичности отношение к *Февралю* и *Октябрю* обрело особую, идентификационную роль – как к исторически памятным символам отечественного политического календаря, по-разному генерализующим важнейшие «альтернативные» потоки модернизационно-революционных устремлений элит и масс – уже не столько в минувшей, сколько в грядущей России. Сделанный ранее системно-стратегический выбор – выбор между *Февралем* и *Октябрем* 1917 года – не просто лежит в основе главного конфликта отечественной истории Новейшего времени: в известном смысле, современная Россия исторически так и остается во все еще не закончившемся для нее XX веке, пока она не определится в продолжающемся споре *Февраля* и *Октября* – в споре, продолжающем испытывать «на разрыв» русскую историческую идентичность.

И сегодня, как и без малого век назад, под знамя *Февраля* зовут всю «думающую публику» по-прежнему неудачливые отечественные либералы, до сих пор скорбящие о несправедливой гибели «демократической альтернативы», похороненной «темными массами» народа России, которые всем либеральным обещаниям предпочли большевистский «кровавый» *Октябрь*. И наоборот, для противников такого подхода именно *Февраль* является ярким воплощением политической недееспособности либерализма в России, а *Октябрь*

служит зримой антитезой пустой *февральской* болтовни оторвавшихся от народных корней партийных функционеров и ориентиром исторического выхода из катастрофического системного кризиса государства и общества, утративших органическое единство и преемственную «связь времен». Так или иначе, но *Февраль и Октябрь* были и остаются не только разными полюсами общественно-политической жизни России в ее смутные времена – они задают смысловые координаты, в сетке которых строится современное проективное россиеведение, вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути».

«...Чтобы видеть свое время, надо смотреть с расстояния» [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 316]. В прошлом веке осевые идеологические крайности *Февраля и Октября* привычно можно обозначить как *либерализм и большевизм*. Несложно разглядеть координатные аналоги «*февралистов*» и «*октябристов*» и в современной политической жизни, да и вряд ли есть основания сомневаться, что соответствующие альтернативы совсем не учитываются политтехнологами власти или организаторами «народных» выступлений оппозиции. Однако отвлечемся по возможности от политики и зададимся тривиальным историческим вопросом: так учит ли чему-нибудь история всероссийского бегства от Февраля к Октябрю 1917 года, или русские так и остаются «*в замешательстве перед своим прошлым*» [Фюре, 1998, с. 12]?

И здесь прибегнем к редукции. Из всего многообразия проблем, возникающих при попытке ответить на поставленный вопрос, в качестве центральной выберем только одну – это проблема адекватности исторических альтернатив *либерализма (Февраля)* и *большевизма (Октября)* реальному контексту истории России, ее социокультурной «почве».

Разумеется, весь партийно-политический спектр Февраля–Октября гораздо богаче этих двух полюсных вариантов, но в револю-

ционном хаосе Смуты–1917 все остальные партийные «альтернативы» могут быть интерпретированы по отношению к идеально-типическому полярно-знаковому противостоянию февральского либерализма и октябрьского большевизма как «недо-либералы» и «недо-большевики» (или даже, как не по-научному едко, но зато очень емко выразился в свое время известный «сменовеховец» Ю. В. Ключников, «сплошное ни то ни се», «какие-то буридановы ослы в роли вершителей исторических судеб...» [Ключников, 1992, с. 228]).

Соответственно, в качестве наглядных «партийных аватар» *Февраля* и *Октября* уместно рассматривать, прежде всего, две прямо противоположных по партийному спектру институционально-политических силы, которые обе, тем не менее, номинально позиционировали себя вполне в духе времени – как «*демократические*». Это ставшая в итоге всенародно ненавистой *Конституционно-демократическая партия*, которая, словно в насмешку над историческими реалиями и собственной политикой, до самого конца именовала себя не иначе как «*Партия народной свободы*». И это *Российская социал-демократическая партия (большевиков)*, которая поставила финальную точку в недолгой истории оксюморонной «февральской демократии».

Причем первая партия – партия кадетов – первоначально действительно была «*первой*» партией Февраля в том смысле, что, выражаясь современным политическим языком, являлась авангардом «креативного класса», намного превосходя противников по уровню образованности, авторитетности и известности своих членов. Но именно она очень скоро – и, очевидно, неслучайно – превратилась в «козла отпущения» для всех остальных политических элит, в воплощение «образа врага» для масс – и, в конечном итоге, осталась явным «лузером» новейшей истории России. Более того, сыграв крайне разрушительную роль и в судьбе российского самодер-

жавия, и в судьбе российской «демократии», эта партия поставила под большой вопрос саму возможность конструктивного бытования либерализма в отечественном политическом процессе.

Вторая же партия – партия большевиков – при февральском открытии общеимперского конкурса на замещение внезапно оказавшегося вакантным места Власти фактически попросту *отсутствовала*: ни по степени количественного участия в формировании нового режима, ни по качественному уровню своей влиятельности в «верхах» и «низах» она не могла тогда составлять даже намека на конкуренцию. Но... последние стали первыми... Никем поначалу всерьез не воспринимаемые, будучи откровенными политическими аутсайдерами на старте, на финише большевики оставили за бортом российской государственности заведомых фаворитов.

Так *Россия Октября* одержала «победу» над *Россией Февраля*.

И эту – действительно горькую – победу нечестно сводить к «пирровой». Ее плоды до сих пор питают многие великие достижения и надежды не только российской, но и всемирной истории.

Непредвзятый анализ Смуты–1917 убедительно показывает, что пытаться объяснять победу Октября над Февралем лишь готовностью первого к насилию и его неразборчивостью в средствах не только нечестно, но и ненаучно. Причины кроются гораздо глубже, и их трезвый анализ исключительно актуален для российской публичной сферы сегодня.

Даже всем сердцем «политического сидельца» ненавидевший «Красный Октябрь» А. И. Солженицын беспощадно сформулировал свой приговор «грязному цветку Февраля»: «Февральские деятели, без боя, поспешно сдав страну, почти все уцелели, хлынули в эмиграцию и все были значительного словесного развития – и это дало им возможность потом десятилетиями изображать свой распад как торжество свободного духа. Очень помогло им и то, что грязный цвет Февраля все же оказался светлей черного зло-

действия коммунистов. Однако если оценивать февральскую атмосферу саму по себе, а не в сравнении с октябрьской, то надо сказать... она была духовно омерзительна, она с первых часов ввела и озлобление нравов и коллективную диктатуру над независимым мнением (стадо), идеи ее были плоски, а руководители ничтожны. Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания» [Солженицын, 2007, с. 93–94].

Представители всех сил, потерпевших фиаско в своих претензиях на постфевральское место Имперской власти и «народных благодетелей», в качестве самооправдания любили приводить «аргументы» на уровне: «Вот если бы не невежество и темнота вышедшей из берегов народной стихии...» (читай: «*Вот если бы не русский народ...*»). Но когда сейчас, спустя столетие, из века XXI-го им вторят современные «исследователи истории», это звучит еще более одиозно (по сути: «*Вот если бы не русская история...*»). По меткому выражению В. В. Кожина, «перед нами, если вдуматься, совершенно нелепая претензия индивидов, которые в конечном счете убеждены, что если бы бытие великой страны совершалось в соответствии с их субъективными “идеями”, Россия предстала бы как нечто принципиально более “позитивное”, нежели в действительности» [Кожин, 2004, с. 73].

И самодержавию, и занявшим его место «демократическим» силам не удалось вовремя понять, что *победить* «Русскую смуту» в сложившейся в 1917 году ситуации было нельзя: ее можно было либо *предотвратить*, либо *возглавить*. И, возглавив, преодолеть – то есть превратить в полноценную Революцию, способную предложить «новые» (обновленные «старые») ценности, адекватные массовому сознанию, и восстановить жизненно необходимое идейное и психологическое единение народа и власти.

Первый шанс – предотвратить смуту – был упущен. И Февраль в российском политическом календаре закрепляет и символизирует этот упущенный исторический шанс, олицетворяет идеологическое банкротство государства и психологическое отчуждение масс от утратившей в их сознании историческую легитимность властной элиты.

Реализация второго шанса – возглавления Смуты и преодоления Смуты Революцией – неразрывно связана с Октябрем, ознаменовавшимся приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной исторической традиции.

В результате Россия получила простой и суровый ответ истории на вопрос: *«Если пала корона, удержится ли фригийский колпак?»* [Тихомиров, 2007, с. 146].

«По плодам их судите их» (Мф. 7, 16): либерализм в России образца 1917-го разрешился восьмимесячным выкидышем, а большевизм – в долгосрочной перспективе – восстановил обновленную Империю. Вся так называемая «Февральская демократия», на деле оказавшаяся пустой юридической фикцией и доктринальной химерой «беспризорной» российской интеллигенции, совершенно не готовой остаться без «царских сатрапов» и «императорского караула», один на один с собственным народом... – в конце концов была сметена стихией народного гнева, политически оформленной большевиками.

Риторическое половодье самозванных «демократов» оказалось жалким ручейком по сравнению с самоубийственно сдвинутой ими лавиной реального «народовластия» – в условиях отсутствия нормальной власти, внешней мировой бойни и внутреннего нормативно-ценностного коллапса погибавшей – но *выжившей* – Империи.

Цена вопроса была огромна, и сменивший колпак венец оказался терновым. Но, по сделанному уже в 1937 году горькому призна-

нию безусловно предпочитавшего Февраль Октябрю Г. П. Федотова (которого, мягко говоря, сложно заподозрить в излишних симпатиях к большевикам), «смотря на вещи объективно, двадцать лет спустя, видишь, что другого исхода не было; что при стихийности и страшной силе обвала русской государственности Февраль мог бы совладать с разрушением при одном условии: если бы он во всем поступал как Октябрь» [Федотов, 1991, с. 135].

Или, как сформулировал другой антибольшевистский эмигрантский писатель В. С. Кобылин, «ничего иного после февральского беззакония, кроме большевизма, не могло и не должно было быть» [Цит. по: «Русский исход...», 2011, с. 126].

Парадоксально, но факт: некоторые современные историки любят подчеркнуть, что более не верят в исторические закономерности, а верят только в интересы (например, в ходе дискуссий круглого стола «Два пути России: Февраль и Октябрь 1917 года: к 95-летию событий» (Москва, 23 ноября 2012 г., Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» и др.), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Высшей школы экономики В. В. Дамье несколько раз повторил, что он не верит ни в какие закономерности, но верит в интересы). Однако реализация закономерностей – в отличие от интересов – мало зависит от степени их осознанности. Незнание – и, тем более, «неверие» – не освобождает от ответственности перед историей. Непонимание и игнорирование вполне определенных закономерностей только в течение одного XX столетия дважды привели Империю Россию – и в ее «Белой», и в ее «Красной» ипостасях – к катастрофе: и в ходе Смуты 1917-го, и в ходе Смуты 90-х это обошлось исключительно дорого.

Увы, в веке XXI-м вполне ощутимо сохраняется риск, что Россия вновь не сможет обойти те же, изрядно проржавевшие, но острые и тяжелые «грабли». Нынешние *наследники Февраля* в своем страст-

ном стремлении обжаловать давно приведенный в исполнение приговор истории всё пытаются подменить реальный «Исторический процесс» и реальный «Суд времени» профанными псевдоисторическими шоу [См.: ИП, 2012; СВ, 2010], на которых изо всех сил стремятся «задним числом» доказать, что в скоропостижной кончине российской «демократии» 1917 года виноваты не «демократы», а сам демос. Примечательно, что даже и на таких шоу адвокаты Февраля неизменно продолжают терпеть сокрушительное поражение в борьбе за живые голоса российского народа. И, что тоже симптоматично, продолжают оправдываться вовсе не анализом исторической адекватности своих идей и ценностей, а все теми же ссылками на неадекватность (и в прошлом, и в настоящем) исторического народа России и – по сути – самой России, которая раз за разом оказывается все так же недостаточно хороша для их идей и их ценностей.

Что любопытно, некоторые историки также делают парадоксальные выводы, которые противоречат не только историческому календарю, но и формальной логике. Так, например, Н. П. Соколов утверждает: «Да, эти люди потерпели неудачу, но означает ли это, что дух февраля, те цели и те ценности, которые эти люди отстаивали, были ложными? Совершенно не значит. Более того, по всей видимости, страна, которая не совершила для себя февраля, обречена на новые октябри» (см.: [ТВ, 2012]). Таким образом, по рассуждениям выступавшего, оказывается, что Октябрь наступил не после Февраля, а потому что Февраля... не было...

Как сформулировал еще В. О. Ключевский, «история не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [Ключевский, 1990, с. 393]. Увы, в сегодняшнем рыночно-постмодернистском дискурсе – даже в профессиональном научно-историческом сообществе – охотнее цитируют не Василия Осиповича, а, например, нидерландскую «ис-

следовательницу» Неллеке Ноордервлиет, которая (прямо с официальной трибуны заключительного пленарного заседания Международного конгресса исторических наук) не без удовольствия бросила в лица академическим историкам: «Каждый знает, что Клио – это шлюха. Она сидит перед окном в квартале красных фонарей. Игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин и предоставляет им все, чего они пожелают: быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, необузданную страсть, – и все это делает без особого напряжения. Такова ее игра, но кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто спрашивает ее об этом. Она выглядит вечно молодой, хотя стара, как мир, и уж, конечно, старше своей профессии...» [Цит. по: Тишков, 2011, с. 4].

Однако для современной российской ситуации мудрое предостережение великого русского историка из прошлого века выглядит все же более актуальным, чем эпатажное заявление голландской писательницы из века нынешнего: история не проститутка, а «наставница жизни», она не объясняет своих уроков, но карает – причем как за их искреннее незнание, так и за их умышленное проституирование.

Хочется верить, что политическая элита современной России учтет настойчиво повторяемый «карательный месседж» отечественной истории: если власть не желает быть родной своему народу, то она рождает смуту. И тогда «за Февралем следует Октябрь» [Смирнов, 2007].

У огромных империй исторически иное чувство юмора, чем у небольших и относительно благополучных государств: попытки сменить собственный державный венец на заемный шутовской колпак с дурацкими бубенчиками заканчиваются несмешно. История

России явно не уместается в популярные «прокрустовы» схемы очередной смены лидеров и режимов «авторитаризма – демократии», «реформ – контрреформ», «модернизаций – застоев»... и прочих календарно-политических циклов, получивших широкое распространение в литературе. «Циклично-сезонный» подход не только не выдерживает проверки на практике – он (что куда опаснее) не позволяет заметить и понять, что «смена времен» в истории происходит не по календарю, а по «принципу наступления на грабли». И взывающим к якобы весеннему «духу Февраля» (см.: [ТВ, 2012]) всегда следует помнить про осенних «фурий» [Maуer, 2000] Октября (подробнее см. подборку публикаций [НВ]).

Источники и принятые сокращения

1. ИП – *Исторический* процесс : «Слушается дело “О судьбе государственной власти от Февраля 1917-го до проспекта Сахарова”» [Электронный ресурс] // Россия : [ГТК «Телеканал Россия»] : [Запись ТВ-эфира от 18 января 2012 г.]. – Режим доступа : http://russia.tv/video/show/brand_id/9777/video_id/115258.

2. НВ – *Народ* и власть : История России и ее фальсификации : [Постоянно действующий научный проект]. – Открытый Архив научного информационного пространства Сети Соционет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://socionet.ru/collection.xml?h=gepec:rus:tqtuvj>.

3. СВ – *Суд* времени : «Большевики – спасители или губители России?» [Электронный ресурс] // Федеральный Пятый канал : [Запись ТВ-эфира от 16–18 августа 2010 г.]. – Режим доступа : <http://www.5-tv.ru/programs/broadcast/505437/>.

4. ТВ – *Тем* временем : «Февраль 17-го : торжество свободы или начало русской катастрофы?» [Электронный ресурс] // Телеканал «Культура» : [Запись ТВ-эфира от 13 февраля 2012 г.] // Православие и мир. – Режим доступа : <http://www.pravmir.ru/fevral-17-go-torzhestvo-svobody-ili-nachalorusskoj-katastrofy/>.

Литература

1. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 томах / В. О. Ключевский ; [под ред. В. Л. Янина]. – Москва : Мысль, 1987–1990. – Т. 9 : Материалы разных лет. – 1990. – 525 с.

2. *Ключников Ю. В.* Смена веков / Ю. В. Ключников // В поисках пути : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – Москва : Русская книга, 1992. – С. 208–251.

3. *Кожин В. В.* О русском национальном сознании / В. В. Кожин ; [сост. А. Уляшов]. – Москва : Эксмо ; Алгоритм, 2004. – 410 с.

4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры : сборник : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет ; [Вступ. ст. Г. М. Фридендера]. – Москва : Искусство, 1991. – С. 309–350.

5. «Русский исход как результат национальной катастрофы» (к 90-летию окончания гражданской войны на европейской территории России) : [Материалы Междунар. конф., Москва, 2–3 ноября 2010 г., Рос. ин-т стратег. исслед. совместно с Домом русского зарубежья им. А. Солженицына] / Л. П. Решетников [и др.] // Проблемы национальной стратегии. – 2011. – № 2 (7). – С. 121–152.

6. *Смирнов А.* За Февралем идет Октябрь [Историк Анатолий Смирнов о главном уроке, который следует извлечь из событий 90-летней давности] [Электронный ресурс] / А. Смирнов // Российская газета. – 2007. – 10 марта. – Федер. вып. № 4312. – Режим доступа : <http://www.rg.ru/2007/03/10/smirnov.html>.

7. *Солженицын А. И.* Размышления над Февральской революцией / А. И. Солженицын. – Москва : Российская газета, 2007. – 96 с.

8. *Тихомиров Л. А.* Россия и демократия / Л. А. Тихомиров. – Москва : ФондИВ, 2007. – 461 с. – (Имперская традиция).

9. *Тишков В. А.* Историческая культура и идентичность : [О чести и достоинстве музы Клио] / В. А. Тишков // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2. – С. 4–16.

10. *Труды по россиеведению* : сборник науч. трудов / гл. ред. И. И. Глебова. – Вып. 1. – Москва : ИНИОН РАН, 2009. – 426 с.

11. *Федотов Г. П.* Февраль и Октябрь / Г. П. Федотов // Федотов Г. П. Судьба и грехи России : избранные статьи по философии русской истории и культуры : в 2 томах / Г. П. Федотов. – Санкт-Петербург : София, 1991. – Т. 2. – С. 134–137.

12. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии / Ф. Фюре ; пер. с фр. В. И. Божович. – Москва : Ad Marginem, 1998. – 639 с.

13. *Mayer A. J.* The Furies : Violence and Terror in the French and Russian revolutions / Arno J. Mayer. – Princeton, New York : Princeton university press, Cop. 2000. – XVII, 716 p.

“February” and “October” in the Russian Calendar

P. Marchenya

The article focuses on the problem of the adequacy of major political parties in Russia in 1917 for mass consciousness of the revolutionary time. February and October 1917 are interpreted as poles of the social and political life of Russia, giving the coordinates of meaning within which built contemporary projective Russian studies.

Key words: February 1917; October 1917; Smuta (Strife, Time of Trouble); Revolution; Russian studies.

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии, Московский университет МВД России; доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва), marchenyap@mail.ru.

Marchenya, P., Candidate of History, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Philosophy, the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia; Associate Professor of Russian State University for the Humanities (Moscow), marchenyap@mail.ru.